

обнаружилась и в другом при- знаке перелома, в перемене са- мого направления монастырской жизни со времени преподобного Сергия. До половины XIV века почти все монастыри на Руси возникали в городах или под их стенами; с этого времени ре- шительный численный перевес получают монастыри, возникав- шие вдали от городов, в лесной Глухой пустыне, ждавшей топора и сохи. Так к основной цели мо- нашества, борьбе с недостатка- ми духовной природы человека, присоединилась новая борьба с неудобствами внешней приро- ды; лучше сказать, эта вторая цель стала новым средством для достижения первой.

Преподобный Сергий со сво- ею обителью и своими ученика- ми был образцом и начинателем в этом оживлении монастырской жизни, «начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси», как называет его летописец. Колонии Сергиевской обители, монастыри, основанные учени- ками преподобного или учени- ками его учеников, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа но- вых монастырей во втором веке татарского ига, и почти все эти колонии были пустынные мо- настыри подобно своей митро- полии. Но, убегая от соблазнов мира, основатели этих мона- стырей служили его насущным нуждам. До половины XIV века масса русского населения, сби- тая врагами в междуречье Оки и Верхней Волги, робко жалась здесь по немногим расчищен- ным среди леса и болот полосам удобной земли. Татары и литва запирали выход из этого треу- гольника на запад, юг и юго-вос- ток. Оставался открытым путь на север и северо-восток за Волгу; но то был глухой непроходимый край, кой-где занятый дикарями финнами; русскому крестьянину с семьей и бедными пожитками страшно было пуститься в эти бездорожные дебри.

«Много было тогда некре- щенных людей за Волгой», то есть мало крещенных, говорит старая летопись одного заволж- ского монастыря о временах до Сергия. Монах-пустынный и пошел туда смелым развед- чиком. Огромное большинство новых монастырей с половины XIV до конца XV века возникло среди лесов костромского, яро- славского и вологодского За- волжья: этот волжско-двинский

водораздел стал северной Фи- вадой православного Востока Старинные памятники истории русской Церкви рассказывают, сколько силы духа проявлено было русским монашеством в этом мирном завоевании фин- ского языческого Заволжья для христианской Церкви и русской народности. Многочисленные лесные монастыри становились здесь опорными пунктами кре- стьянской колонизации: мона- стырь служил для переселенца- хлебopашца и хозяйственным руководителем, и ссудной кас- сой, и приходской церковью, и, наконец, приютом под старость. Вокруг монастырей оседало бродячее население, как корня- ми деревьев сцепляется зыбу- чая песчаная почва. Ради спасе- ния души монах бежал из мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помо- щью заводил в этом лесу новый русский мир. Так создавалась верхневолжская Великороссия дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанных ду- хом, какой вдохнул в русское общество преподобный Сергий.

Напутствуемые благослове- нием старца шли борцы: одни на юг за Оку на татар, другие на се- вер за Волгу на борьбу с лесом и болотом.

Время давно сваяло эти дела с народной памяти, как оно же глубоко заметало вековой пылью кости куликовских бойцов. Но память святого пустынножителя доселе парит в народном соз- нании, как гроб с нетлеющими останками неведомо стоит на поверхности земли. Чем дорога народу эта память, что она гово- рит ему, его уму и сердцу? Со- временным, засохшим в абстрак- циях и схемах, языком трудно изобразить живые, глубоко со- крытые движения верующей на- родной души. В эту душу глубоко запало какое-то сильное и свет- лое впечатление, произведен- ное когда-то одним человеком и произведенное неуловимыми, бесшумными нравственными средствами, про которые не зна- ешь что и рассказать, как не на- ходишь слов для передачи иного светлого и ободряющего, хотя молчаливого взгляда. Виножник впечатления давно ушел, исче- зла и обстановка его деятельно- сти, оставив скудные остатки в монастырской ризнице до источ- ник, изведенный его молитвою, а впечатление все живет, пере- ливаясь свежей струей из поко-

ления в поколение, и ни народ- ные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его. Первое смутное ощущение нравствен- ного мужества, первый проблеск духовного пробуждения - вот в чем состояло это впечатление. Примером своей жизни, высотой своего духа преподобный Сер- гий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти на- шей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна.

Так думали тогда все на Руси, и это мнение разделял право- славный Восток, подобно тому цареградскому епископу, кото- рый, по рассказу Сергиева жиз- неописателя, приехав в Москву и слыша всюду толки о великом русском подвижнике, с удивлени- ем восклицал: «Како может в сих странах таков светильник явити- ся?» Преподобный Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскоребшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и за- мерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смертной, он открыл им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлеющие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня - такое прояв- ление духовного влияния всегда признавалось чудесным, твор- ческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхо- ждению, потому что его источник - вера Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присут- ствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейст- венной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными различные обиходные средства народной жизни.

Впечатление людей XIV века становилось верованием поколе- ний, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они воз-

водили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники. Так духовное влияние преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и во- шло в состав духовного богат- ства народа. Это имя сохраняло силу непосредственного личного впечатления, какое производил Преподобный на современников; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнеть историческое вос- поминание, заменяясь церковной памятью, которая превращала это впечатление в привычное, поднимающее дух настроение. Так теплота ощущается долго по- сле того, как погаснет ее источ- ник. Этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить госу- дарственный порядок.

При имени преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сде- лавшее возможным и возрожде- ние политическое, и затвержи- вает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравст- венной. Это возрождение и это правило - самые драгоценные вклады преподобного Сергия; не архивные или теоретические, а положенные в живую душу на- рода, в его нравственное содер- жание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внес- ших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятными сра- стается нравственное чувство народа; они - его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них - оно завянет, как ско- шенная трава. Они питают не на- родное самонимение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нрав- ственное чувство есть чувство долга. Творя память преподоб- ного Сергия, мы проверяем са- мих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещан- ный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя про- изведенные в нем траты. Ворота лавры преподобного Сергия за- творятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, ког- да мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его.

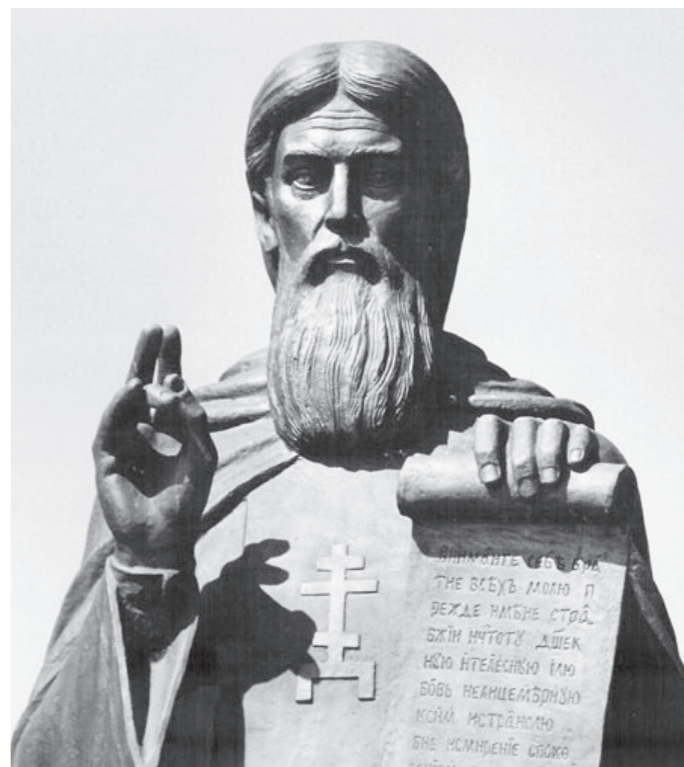
К 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского

## Значение преподобного Сергия для русского народа и государства

Речь В.О. Ключевского на собрании Московской Духовной Академии в память преп. Сергия

Когда вместе с разнообраз- ной, набожной крестьянской на- родной волной вступаешь в во- рота Сергиевой Лавры, иногда думаешь: почему в этой обители нет и не было особого наблюдате- ля, подобного древнерусскому летописцу, который спокойным неизменным взглядом наблюдал и ровной бесстрастной рукой за- писывал «еже содеяся в Русской земле», и делал это одинако- во из года в год, из века в век, как будто это был один и тот же человек, не умиравший целые столетия? Такой бессменный и неумирающий наблюдатель рассказал бы, какие люди при- ходили в течение 500 лет по- клониться гробу преподобного Сергия и с какими помыслами и чувствами возвращались отсю- да во все концы Русской земли. Между прочим он объяснил бы нам, как это случилось, что со- став общества, непрерывно волной притекавшего ко гробу Преподобного, в течение пяти веков оставался неизменным.

Еще при жизни Преподобного, как рассказывает его жизнео- писатель-современник, многое множество приходило к нему из различных стран и городов, и в числе приходивших были и ино- ки, и князья, и вельможи, и про- стые люди, «на селе живущие». И в наши дни люди всех классов русского общества притекают ко гробу Преподобного со своими думами, мольбами и упования- ми, государственные деятели приходят в трудные переломы народной жизни, простые люди в печальные или радостные ми- нуты своего частного существова- ния. И этот приток не изме- нялся в течение веков, несмотря на неоднократные и глубокие перемены в строе и настроении русского общества: старые по- нятия иссякали, новые прибыва-



лись или наплывали, а чувства и верования, которые влекли сюда людей со всех концов Русской земли, бьют до сих пор тем же свежим ключом, как били в XIV веке. Если бы возможно было воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью Преподобного, что в эти 500 лет было молчаливо передумано и перечувствовано пред его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глупо- го содержания историей на- шей всенародной политической и нравственной жизни.

Впрочем, если преподобный Сергий доселе остается для при- ходящих к нему тем же, чем был для них при своей жизни, то и теперь на их лицах можно про- читать то же, что прочитал бы монастырский наблюдатель на

лицах своих современников 400 или 500 лет назад. Достаточно взглянуть на первые встречные лица из многого множества, в эти дни здесь теснящегося, что- бы понять, во имя чего подня- тись со своих мест эти десятки тысяч, а сотни других мысленно следовали за ними. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в капле чи- стой воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом

и котомкой пришедших сюда из- далека: когда жил преподобный Сергий и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени? И редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос, что он есть для них, далеких потомков людей XVI века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно.

Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически-известное жизнен- ное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их но- сители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным дей- ствием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений, посте- пенно спало все временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народ- ную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом. Такие люди становят- ся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечноными их спутниками, даже путешественниками, и целые века благоговейно твердят их доро- гие имена не столько для того, чтобы благодарно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного. Таково имя пре- подобного Сергия: это не только назидательная, отрадная стра- ница нашей истории, но и свет- лая черта нашего нравственного народного содержания.

Какой подвиг так освятил



это имя? Надобно припомнить время, когда подвизался Преподобный. Он родился, когда вымирали последние старики, увидевшие свет около времени татарского разгрома Русской земли, и когда уже трудно было найти людей, которые бы этот разгром помнили. Но во всех русских нервах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение.

Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала непокойного ребенка лихим татаринном; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиться в народную робость, в черту национального характера, и в истории человечества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повествующая о том, как нападение азиатского монгола повело к падению великого европейского народа.

Могла ли, однако, прибавиться такая страница? Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу.

Русские люди, сражавшиеся и уцелевшие в бою на Сити, сошли в могилу со своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокруг, не займется ли где заря освобождения. За ними последовали их дети, тревожно наблюдавшие, как многочисленные русские князья холопствовали перед татарами и дрались друг с другом. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислушиваться к необычным делам в Русской земле. В то

время как все русские окраины страдали от внешних врагов, маленькое срединное Московское княжество оставалось безопасным, и со всех краев Русской земли потянулись туда бояре и простые люди. В то же время московские князьки, братья Юрий и этот самый Иван Калита, смело, без оглядки и раздумья, пуская против врагов все доступные средства, ставя в игру все, что могли поставить, вступили в борьбу со старшими и сильнейшими князьями за первенство за старшее Владимирское княжение и при содействии самой Орды отбили его у соперников. Тогда же устроилось так, что и русский митрополит, живший во Владимире, стал жить в Москве, придав этому городку значение церковной столицы Русской земли. И как только случилось все это, все почувствовали, что татарские опустошения прекратились и наступила давно неиспытанная тишина в Русской земле. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княжение, когда ей впервые в сто лет рабства удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Так к половине XIV века подросло поколение, выросшее под впечатлением этой тишины, начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине. Недаром представителю этого поколения, сыну великого князя Ивана Калиты Симеону современники дали прозвание Гордого. Это поколение и почувствовало ободрение, что скоро забрежит свет. В это именно время, в начале 40-х годов XIV века, совершались три знаменательные события: из московского Богоявленского монастыря вызван был на церковно-административное поприще скрывавшийся там скромный 40-летний инок Алексей; тогда же один 20-летний искатель пустыни, будущий преподобный Сергей в дремучем лесу - вот на этом самом месте - поставил маленькую деревянную келию с такой же церковью, а в Устюге у бедного соборного причетника родился сын, будущий просветитель Пермской земли св. Стефан. Ни одного из этих имен нельзя произнести, не вспомнив двух остальных. Эта присноблаженная троица ярким созвездием блещет в нашем XIV веке, делая его зарей политического и нравственного возрождения Русской земли. Тесная дружба и взаимное уважение соединяли их друг с другом. Митрополит Алексей навещал Сергия в его обители и советовался с ним, желал иметь

его своим преемником. Припомним задушевный рассказ в житии преподобного Сергия о проезде св. Стефана Пермского мимо Сергиева монастыря, когда оба друга на расстоянии 10 с лишком верст обменялись братскими поклонами.

Все три св. мужа, подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело - укрепление Русского государства, над созданием которого по-своему трудились московские князья XVI века. Это дело было исполнением завета, данного русской церковной иерархией величайшим святым древней Руси митрополитом Петром. Еще в мрачное время татарского ига, когда никуда не проступал луч надежды, он, по преданию, пророчески благословил бедный тогда городок Москву как будущую церковную и государственную столицу Русской земли. Духовными силами трех наших св. мужей XIV века, воспринявших этот завет святителя, Русская земля и пришла поработать над предвозвещенной судьбой этого города. Ни один из них не был коренным москвичом. Но в их лице сошлись для общего дела три основные части Русской земли: Алексей, сын черниговского боярина-переселенца, представлял старый киевский Юг, Стефан - новый финско-русский Север, а Сергей, сын ростовского боярина-переселенца, - великорусскую средину. Они приложили к делу могущественные духовные силы. Это были образованнейшие русские люди своего века; о них древние жизнеописатели замечают, что один «всю грамоту добре умея», другой «всяко писание ветхого и нового завета добре проиде», третий даже «книги греческие извыче добре». Потому ведь и удалось московским князьям так успешно собрать в своих руках материальные, политические силы русского народа, что им дружно содействовали добровольно соединившиеся духовные его силы.

Но в общем деле каждый из трех деятелей делал свою особую часть. Они не составляли общего плана действий, не распределяли между собой призваний и подвигов и не могли этого сделать, потому что были люди разных земель. Тесная дружба и взаимное уважение соединяли их друг с другом. Митрополит Алексей навещал Сергия в его обители и советовался с ним, желал иметь

в одну сторону с двумя другими, направляемая таинственными историческими силами, в видимой работе которых верующий ум прозревает миродержавную десницу Провидения.

Личный долг каждого своим путем вел всех троих к одной общей цели. Происходя из родовитого боярства, искони привыкшего делить с князьями труды обороны и управления страной, митрополит Алексей шел боевым политическим путем, был преемственно главным советником трех великих князей московских, руководил их Боярской думой, ездил в Орду, ублажал ханов, отмаливая их от злых замыслов против Руси, воинствовал с недругами Москвы всеми средствами своего сана, карал церковным отлучением русских князей, непослушных московскому государю, поддерживая его первенство, с неослабной энергией отстаивая значение Москвы как единственного церковного средоточия всей политически разбитой Русской земли. Уроженец г. Устюга, в краю которого невогородская и ростовская колонизация, сливаясь и вовлекая в свой поток туземную чудь, создавала из нее новую Русь, св. Стефан пошел с христианской проповедью в Пермскую землю продолжать это дело обрусения и просвещения заволжских инородцев. Так церковная иерархия благословила своим починком две народные цели, достижение которых послужило основанием самостоятельного политического существования нашего периода это - сосредоточение династически раздробленной государственной власти в московском княжеском доме и приобщение восточноевропейских и азиатских инородцев к русской Церкви и народности посредством христианской проповеди.

Но чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцев в ограду христианской Церкви, для этого самому русскому обществу должно было стать в уровень столь высоких задач, приподнять и укрепить свои нравственные силы, приниженные вековым порабощением и унижением. Этому третьему делу, нравственному воспитанию народа, и посвятил свою жизнь преподобный Сергей. То была внутренняя миссия, долженствовавшая служить подготовкой и обеспечением успехов миссии внешней, начатой пермским просветителем; преподобный Сергей и вышел на свое дело значительно раньше св. Стефана. Разумеется, он мог приме-

нить к делу средства нравственной дисциплины, ему доступные и понятные тому веку, а в числе таких средств самым сильным был живой пример, наглядное осуществление нравственного правила. Он начал с самого себя и продолжительным уединением, исполненным трудов и лишений среди дремучего леса, приготовился быть руководителем других пустынножителей. Жизнеописатель, сам живший в братстве, воспитанном Сергием, живыми чертами описывает, как оно воспитывалось, с какой постепенностью и любовью к человеку, с каким терпением и знанием души человеческой. Мы все читали и перечитывали эти страницы древнего жития, повествующие о том, как Сергей, начав править собиравшейся к нему братией, был для нее поваром, пекарем, мельником, дровоколом, портным, плотником, каким угодно трудником, служил ей как раб купленный, по выражению жития, ни на один час не складывал рук для отдыха; как потом, став настоятелем обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, он принимал искавших у него пострижения, не спускал глаз с каждого новичка, возводя его со степени на стеньгу иноческого искуса, указывал дело всякому по силам; ночью дозором ходил мимо келий, легким стуком в дверь или окно напоминал празднование, что у монаха есть лучшие способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснеть, «тихой и кроткой речью» вызывал в них раскаяние без досады.

Читая эти рассказы, видишь пред собою практическую школу благонравия, в которой сверх религиозно-иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Наставник вел ежедневную, дробную, терпеливую работу над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства. По последующей самостоятельной деятельности учеников преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством лица не обезличивались, личные свойства не стирались, каждый оставался сам собой и, становясь на свое место, входил в состав сложного и стройного целого, как в мозаической иконе различные по величине и цвету камешки укла-

дываются под рукой мастера в гармоническое выразительное изображение. Наблюдение и любовь к людям дали умение тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства - то уменье, перед которым не устоял самый упрямый русский человек XIV века, князь Олег Иванович Рязанский, когда по просьбе великого князя Московского Димитрия Ивановича, как рассказывает летописец, «старец чудный» отговорил «суровейшего» рязанца от войны с Москвой, умилив его тихими и кроткими речами и благо-увеливыми глаголами.

Так воспиталось дружное братство, производившее по современным свидетельствам, глубокое назидательное впечатление на мирян. Мир приходил к монастырю с пытливым взглядом, каким он привык смотреть на монашество, и если его не встречали здесь словами прииди и виждь, то потому, что такой зазыв был противен Сергиевой дисциплине. Мир смотрел на чин жизни в монастыре преподобного Сергия, и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре все было бедно и скудно, или, как выразился разочарованно один мужичок, пришедший в обитель преподобного Сергия повидать прославленного величественного игумена, «все худостно, все нищетно, все сиротинско»; в самой ограде монастыря первобытный лес шумел над кельями и осенью обсыпал их кровли палыми листьями и иглами; вокруг церкви торчали свежие пни и валялись необрущенные стволы срубленных деревьев; в деревянной церковке за недостатком свеч пахло лучиной; в обиходе братии столько же недостатков, сколько заплат на сермяжной ряске игумена: чего ни хватись, всего нет, по выражению жизнеописателя; случилось, вся братия по целым дням сидела чуть не без куса хлеба. Но все дружны между собою и приветливы к пришельцам, во всем следы порядка и размышления, каждый делает свое дело, каждый работает с молитвой, и все молятся после работы; во всех чуялся скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы.

Мир видел все это и уходил ободренный и освеженный, подобно тому как мутная волна, прибывая к прибрежной скале,

отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струей. Надобно припомнить людей XIV века, их быт и обстановку, запас их умственных и нравственных средств, чтобы понять впечатление этого зрелища на набожных наблюдателей. Нам, страдающим избытком нравственных возбуждений и недостатком нравственной восприимчивости, трудно уже воспроизвести слагавшееся из этих наблюдений настроение нравственной сосредоточенности и общественного братства, какое разносили по своим углам из этой пустыни побывавшие в ней люди XIV века. Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал Сам Христос, сказав: «Царство Божие подобно закваске». Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV века. От вековых бедствий этот человек так оскудел нравственно, что не мог не замечать в своей жизни недостатка этих первых основ христианского общежития, но еще не настолько очерствел от этой скудости, чтобы не чувствовать потребности в них.

Пробуждение этой потребности и было началом нравственного, а потом и политического возрождения русского народа. Пятьдесят лет делал свое тихое дело преподобный Сергей в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свои круг, по каплям делились с другими. Никто тогда не считал гостей пустытника и тех, кого они делали причастниками приносимой ими благодатной росы, - никто не думал считать этого, как человек, пробуждающийся с ощущением здоровья, не думает о своем пульсе. Но к концу жизни Сергия едва ли вырвался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом имени св. старца. Этими каплями нравственного влияния и выращены были два факта, которые легли среди других основ нашего государственного и общественного здания и которые оба связаны с именем преподобного Сергия. Один из этих фактов - ве-

ликое событие, совершившееся при жизни Сергия, а другой - целый сложный и продолжительный исторический процесс, только начавшийся при его жизни.

Событие состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды? Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода этой подготовки великих борцов 1380 года; знаем только, что преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, сказав: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь» - и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего в глазах преподобного Сергия и вместе с князем Димитрием Донским бившегося на Куликовом поле.

Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое преподобный Сергей вдохнул в русское общество, еще живет и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергия начался замечательный перелом: заметно оживилось стремление к иночеству. В бедственный первый век ига это стремление было очень слабо: в сто лет 1240 - 1340 годов возникло всего каких-нибудь десятка три новых монастырей. Зато в следующее столетие 1340 - 1440 годов, когда Русь начала отдыхать от внешних бедствий и приходиться в себя, из куликовского поколения и его ближайших потомков вышли основатели до 150 новых монастырей. Таким образом, древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества: стремление покидать мир усиливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непостижимых, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных. Впрочем, исторические факты здесь говорят не более того, что подсказывает самая идея православного иночества. Эта связь русского монастыря с миром